

Лица необщее выражение

Марк Соколянский, доктор филологических наук, профессор

Саул Яковлевич Боровой (1903-1989) принадлежит к числу тех наших земляков — ученых-гуманитариев прошлого столетия, имена которых по праву должны быть занесены в летопись родного города, поскольку они уже вписаны в историю большой науки. На пороге XXI века ясно, что пересчитать эти имена можно по пальцам одной руки. Тем более важно не забывать их, почаще обращаться к наследию их обладателей, продолжать заложенные ими традиции.

Саул Яковлевич Боровой (1903-1989) принадлежит к числу тех наших земляков — ученых-гуманитариев прошлого столетия, имена которых по праву должны быть занесены в летопись родного города, поскольку они уже вписаны в историю большой науки. На пороге XXI века ясно, что пересчитать эти имена можно по пальцам одной руки. Тем более важно не забывать их, почаще обращаться к наследию их обладателей, продолжать заложенные ими традиции.

С.Я. Боровой был, что называется, коренным одесситом: здесь жили несколько поколений его предков. Своим одесским происхождением историк гордился и даже, прожив на закате жизни последние два с половиной года в Москве, он всей душой стремился в родной город, радовался встрече с одесскими друзьями и каждой весточке с малой родины. На еврейском кладбище в Одессе покоится — в полном согласии с волей Саула Яковлевича — и прах его.

Свой неподдельный интерес к науке проявил он в юные годы: научные занятия начал раньше, чем сел на студенческую скамью. Трудился в разных одесских архивах и библиотеках, впоследствии многие годы преподавал в педагогическом и кредитно-экономическом институтах. Добрую память о профессоре Боровом сохранили его многочисленные студенты, аспиранты, сотрудники. Главным же содержанием его жизни была исследовательская или, как любил он сам говорить, научно-литературная деятельность.

В верхнем ряду
С. Боровой, Р. Нудельман, Б. Минкус

С. Боровой

Можно сказать, что он нашел себя очень рано. Первая печатная работа Борового — перевод с иврита на русский язык статьи об ассимиляции евреев — появилась, когда автору было всего шестнадцать лет, а первая собственно научная публикация — когда ему не исполнилось и двадцати. Первая монография Борового была издана в солидном московском издательстве Сабашниковых, когда автору только-только исполнилось 24 года. Речь идет о книге «Еврейская земледельческая колонизация в старой России». Труд этот получил высокую оценку у известных специалистов, давно и прочно вошел в широкий научный обиход.

Впрочем, если начать перечислять все серьезные работы исследователя, составитесь весьма длинный список, который потребовал бы много места, да еще и немало дополнительных пояснений. Насчитывает этот перечень более 200 названий, включая несколько солидных книг, главы вузовских учебников, целый ряд проблемных очерков, каждый из которых можно назвать небольшой монографией, статьи, рецензии... Но дело не только и не столько в количестве, важнее другое: все это труды высокой пробы, что подтверждено уже десятилетиями их бытования в отечественной и мировой науке. А кроме того...

Когда говорят и пишут об ученом, что он был одарен от природы, исключительно трудолюбив, ответственно относился к своим занятиям и т.п., нередко задаешься вопросом: «Да разве же это не обязательно для всякого подлинного ученого? В противном-то случае зачем и вступать на эту стезю?» Увы, на стезю эту вступали и вступают нередко люди совсем иного типа, но не о них сейчас речь. Даже в кругу одаренных и работоспособных привлекают прежде всего те, кто, при наличии выше перечисленных качеств, отмечен еще и лица необщим выражением. Профессор Боровой был из их числа.

Говоря о нем, прежде всего, хотел бы отметить необычайную для XX века широту диапазона научных интересов и поисков. В рамках этого диапазона нашлось место этнической и аграрной истории, библиологии и истории экономических учений, истории литературы и научному краеведению, да ряд этот можно было бы продолжить. Для середины XX века с его культом «узкой специализации» в науке ученый такого плана выглядел «белой вороной», но прошло время, и стало ясно, что широта занятий и знаний придавала тем немногим гуманитариям, кто обладал этими достоинствами, проницательность и завидную широту взгляда, способность к интересным сопоставлениям и важным обобщениям.

На страницах сего журнала уместно особо сказать о двух ипостасях Борового-историка. Во-первых, нельзя не заметить, что в его специальных студиях в 1920-30-е гг. превалировал интерес к судьбам еврейского населения на юге Российской империи и, главным образом, на Украине и в Одессе. Несомненно, первый импульс к такому направлению в занятиях был придан ему в семье. В доме родителей будущего историка бывали нередкими гостями Менделе Мойхер-Сфорим, Шауль Черниховский, Яков Фихман; другом дома был Хаим-Нахман Бялик. Образованными гебраистами были старшие братья Саула Яковлевича — Давид, эмигрировавший в начале 1920-х в Палестину и ставший впоследствии государственным деятелем в Израиле, и Леонид (Лев), живший впоследствии в Москве филолог и литератор.

Специальные работы об общественной и культурной истории евреев были опубликованы С. Боровым в различных, в том числе и академических, изданиях на разных языках: русском, украинском и идиш. Докторская диссертация, посвященная истории евреев на Украине в 16-18 веках, была блестяще защищена им в 1940 г. в московском Институте истории Академии Наук. В своих трудах явился он продолжателем традиций золотого века русско-еврейской историографии, представленного именами Шимона Дубнова и Юлия Гессена, Израиля Цинберга и Шауля Гинзбурга.

В эвакуации. 1941 г.

В послевоенный период, когда проблематика, связанная с историей еврейского народа, оказалась в СССР под запретом, Боровой не мог опубликовать целого ряда подготовленных им работ. Но ведь круг его интересов никогда не исчерпывался лишь этнико-историческими темами. Переключившись на историю кредита и банков в России, он вскоре стал крупнейшим в стране специалистом в этой области. Многие его труды, включая фундаментальную монографию «Кредит и банки в России. Середина XVII в. — 1861 г.» (Москва, 1958), получили заслуженное признание в научных кругах. Начиная с 1950-х гг., выходили в свет и серьезные труды его по истории русской культуры, аграрной истории степной Украины и т.д.

В период печально знаменитой кампании по борьбе с «безродными космополитами» оказалось вполне достаточно и довоенных трудов профессора Борового по еврейской истории, чтобы его уволили с работы, поносили с разных трибун, травили в прессе; лишь благодаря случайности, избежал он в начале 1953 г. ареста. Кого-то такие перипетии на всю жизнь прибили и отпугнули от

взрывоопасной проблематики, но о Боровом этого никак не скажешь.

К счастью, дожил он до других времен, когда признание пришло с неожиданной стороны: молодые историки еврейской проблематики с полным основанием восприняли его как носителя традиций старой школы, потянулись к нему за консультациями, способствовали публикации его неизданных дотоле трудов.

К сожалению, самому ученому не довелось дожить до выхода ряда своих книг, увидевших свет уже в 1990-е гг. Это и том его интереснейших «Воспоминаний» (Москва-Иерусалим, 1993), и книга еврейских хроник времен Хмельнитчины, переведенных и прокомментированных Боровым (Москва-Иерусалим, 1997), и брошюра о гибели еврейского населения Одессы в годы фашистской оккупации (Киев, 1991), и целый ряд проблемных статей.

Но вспомним еще об одном блоке тем, изучению которых ученый отдал много сил и вдохновения. Это социальная, этническая и культурная история его родного города — Одессы. С.Я. Боровому принадлежат капитальные очерки по истории города, опубликованные в различных книгах и журналах, статьи об истории книгопечатания в Одессе, ее библиотек и музеев, об одесском годе Пушкина, о пребывании Мицкевича в Одессе, об одесских корреспондентах герценовского «Колокола», — да все «одесские сюжеты» его трудов сразу и не вспомнишь. Пожалуй, никто из отечественных историков XX века не сделал так много для научного освещения истории и культуры черноморского города.

Личное общение с Саулом Яковлевичем было не только исключительно полезным в профессиональном отношении, но и по-человечески очень приятным. На некоторых современников, склонных поверхностно судить о людях, производил он впечатление своего рода мизантропа, предпочитавшего кабинетное затворничество встречам с собеседниками. Позволю себе заметить, что такое мнение было совершенно ошибочным. Профессор искренне тянулся к людям, но, разумеется, не ко всяким, — к тем, кто был ему приятен и интересен.

Помню, как на обычный телефонный вопрос: «Саул Яковлевич, можно к Вам заглянуть сегодня вечером?» — как правило, следовал лаконичный ответ: «Нужно!» У него в кабинете, где большой стол всегда был завален новыми книгами и журналами, можно было встретить и его учеников, и коллег, приехавших из других городов, и даже довольно далеких от гуманитарных наук, но просто приятных, интеллигентных людей. В летний, дачный период он, сидя на веранде, обычно «бдительно» реагировал на всякий шорох и звук шагов на аллее, всматриваясь, а не идет ли кто-нибудь к нему из желанных гостей. Увидев знакомое лицо, искренне радовался посетителю.

Будучи человеком ищущим в своей профессии, никогда не заискивал он в отношениях с сильными мира сего, которые это чувствовали и не прощали профессору его органичного чувства собственного достоинства и духовной независимости. Он не был «отягощен» почетными званиями, какими-либо особыми привилегиями,

даже обычными для человека его положения бытовыми условиями существования. Большую часть жизни прожил в коммунальных квартирах; никогда его, беспартийного и независимого в суждениях профессора, не умевшего ни униженно просить, ни расталкивать окружающих локтями, не командировали на зарубежные научные конференции, да и приглашения на такие конференции поступали к нему — по понятным причинам — с опозданием. Будучи в научном отношении самой крупной фигурой в Институте народного хозяйства, был он отправлен на пенсию тогда, когда мог еще полноценно трудиться.

Зато жизнь не обделила С. Борового встречами и дружбой с интересными и содержательными людьми, ценившими в нем не только знающего и мыслящего историка, но и приятного, доброго и чистого человека. Среди этих людей были видные историки Н.М. Дружинин и И.М. Амосин, М.Е. Слабченко и В.М. Далин, литературоведы М.П. Алексеев и Л.П. Гроссман, В.М. Жирмунский и Ю.Г. Оксман, антиковеды И.М. Тронский и С.Я. Лурье, психолог С.Л. Рубинштейн, писатели Лев Славин и Семен Липкин, историк и писатель Натан Эйдельман и многие другие.

Во время встреч с исследователями из разных стран мне приходилось не раз убеждаться в том, что заслуги С.Я. Борового в нескольких областях исторической науки широко известны и признаны в мире. Авторитетные специалисты из США и ФРГ, Польши и Австрии проявляют интерес и к личностному своеобразию автора, к трудам которого они обращаются на протяжении многих лет. Как это ни печально, только в родном городе ученого — городе, в изучение истории которого Боровой внес огромный вклад, его заслуги еще не оценены по достоинству. Труды историка издаются и переиздаются где угодно, но не в Одессе. Так и не опубликована полная библиография его научных трудов. До сих пор город не озаботился установлением мемориальной доски на доме, где жил Саул Яковлевич (хотя увековечена таким образом память о целом ряде одесских гуманитариев куда более скромного масштаба).

Хочется верить, что столетний юбилей крупного ученого всколыхнет общественную память даже у него на родине. Очень хочется верить.

